

*Архимандрит Афиноген
в схиме Агапий (Агапов)*

ВВЕДЕНИЕ

...Христос будет наш Царь, а мы — Его дети; что попросим, то Он все нам даст, и будем жить без печали.

Архимандрит Афиноген

Вся история древней Свято-Успенской Псково-Печерской обители, насчитывающая уже более пяти столетий, есть, прежде всего, история непрерывного духовного подвига, молитвенного предстояния ее иноков пред Господом и Его Пречистой Матерью.

Опыт святой жизни лучших представителей печерского монашества спасителен и назидателен для любого из нас, а духовное их наследие дорого каждому христианину, стремящемуся по мере сил своих подражать подвигу уподобления себя Самому Христу, раскрытия в себе образа Божия, иначе говоря — подражать «преподобию» святых.

Немало здешних духоносных старцев, чьи останки покоятся ныне в знаменитых «Богом зданных» монастырских пещерах — хорошо известны в истории как местной псковской, так и общерусской святости. Имена других нам порой даже и неведомы... Но сердца всех их пламенели горячей любовью ко Господу и Пресвятой Богородице, а иноческие труды сонма этих подвижников поистине являют нам образ подлинного монашеского жития.

Старец Псково-Печерского монастыря
архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (Агапов)

К числу подобных боголюбивых и многоопытных в «иноческом делании» старцев следует отнести известного старца и духовника братии Псково-Печерского монастыря, приснопамятного архимандрита Афиногена, в схиме — Агапия (1881–1979)* [1].

Отличавшийся замечательной простотой, любовью ко всем, кто приходил к нему со своими духовными скорбями и телесными недугами, имевший особую силу молитвы (он «отчитывал» бесноватых и больных, т.е. совершал чтение над ними ряда молитв для изгнания бесов), отец Афиноген безусловно принадлежит к истинному цвету Псково-Печерского старчества.

Кроткий и тихий, он с удивительным терпением переносил выпадавшие на его долю житейские испытания, несчастья и болезни, никогда при этом не ропща и смиренно неся свой жизненный крест. В самые тяжелые годы — в лагерях и ссылках — старец всегда и во всем полагался на волю Божию, укрепляясь молитвой и упованием на одно только милосердие Творца. И Господь — еще при земной жизни отца Афиногена — сторицею воздал ему за смирение и силу его веры.

В последние десятилетия своего жития (ибо в это время жизнь его уже, по сути, претворилась в «житие») старец сподобился различных явлений «мира иного» — когда перед ним раскрывались радостные и дарующие надежду на спасение чуждые картины райских обителей. В такие минуты отец Афиноген, по собственному его

* В книге, наряду с обычными постраничными сносками, указанными арабскими цифрами, имеются и сноски, обозначенные также арабскими цифрами, но заключенными, однако, в квадратные скобки. Такие сноски отсылают читателя к особому разделу книги - «Биографические и библиографические справки», где даются вкратце биографические сведения о наиболее известных церковных деятелях, упоминаемых в тексте, и основная библиография по ним.

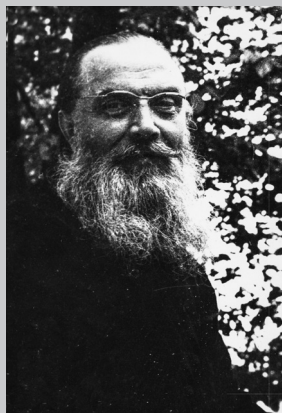
свидетельству, предстоял Господу, Царице Небесной, святым угодникам Божиим.

За несколько лет до смерти он уже жил как бы в двух мирах — не только в «дольнем», земном, где по-прежнему вел брань с духами злобы и грехом человеческим, но и в мире «горнем», пребывая в нем — по дару боговидения — в общении со Спасителем и Пречистой Его Матерью. До нас дошли собственные повествования старца (удивительно искренние в своей порой почти детской простоте) о подобных таинственно-благодатных соприкосновениях его с «Божиим миром» — все эти рассказы будут представлены ниже.

С 1960 г. на плечи отца Афиногена легло послушание братского духовника; кроме того, он тогда же начал «отчитывать» бесноватых.

До него в обители этот подвиг нес другой замечательный печерский старец — Симеон (Желнин), прославленный Церковью в 2003 г., будучи причисленным к лику преподобных [2]. Но незадолго до кончины отца Симеона, во время его болезни, тогдашний наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (Воронов) [3] спросил у него о том, кто же сможет взять на себя эту весьма непростую обязанность (в просторечии — «отчитку») после кончины старца. Отец Симеон сразу же назвал отца Афиногена.

Спустя некоторое время отец Афиноген, ничего еще не знавший о разговоре, состоявшемся между архимандритом Алипием и отцом Симеоном, зашел навестить больного старца. Отец Симеон — неожиданно для отца Афиногена — передал ему книги, по которым сам он обычно читал канон и молитвы над бесноватыми, и тут же благословил его «отчитать» несколько человек.

Архимандрит
Алипий (Воронов)

Иеросхимонах
Симеон (Желнин)

Отец Афиноген, исполнив поручение старца, принес ему книги назад и отдал со словами: «Ну вот — я всех отчитал; теперь знаю, как это делается». Однако отец Симеон вновь вручил ему книги, сказав: «Нет, я дал тебе их уж навсегда».

Так, казалось бы, просто и даже почти обыденно один благодатный старец благословил другого на труднейший подвиг изгнания бесов из душ одержимых страдальцев. Но за внешней простотой такого благословения стояло конечно же внутреннее глубокое доверие старца Симеона к духовной опытности своего собрата, прекрасное знание его смиренного и любвеобильного сердца.

При этом следует заметить, что сам отец Афиноген почти никогда ничем не беспокоил старца Симеона, весьма редко бывал у него в келье и особо близко с ним не общался; поэтому (и тем более по свойственному ему

смирению) он чрезвычайно удивился такому своему ответственному назначению.

Но с той поры отец Афиноген три раза в неделю «отчитывал» бесноватых.

Икону, перед которой он совершал молитвенное последование «отчитки», сейчас можно видеть в западной части монастырского храма Успения Божией Матери: это образ святого великомученика и целителя Пантелеимона.

«Отчитывал» людей старец обычно в своей келье; народ, не вмещавшийся порой внутри нее, был вынужден стоять даже в дверях и в коридоре.

Сила молитвы старца была весьма велика — он имел большое дерзновение пред Господом, — и, по милости Божией, многие бесноватые и больные получали здесь исцеление и духовное утешение. Далее будут приведены свидетельства о подобных замечательных случаях.

Естественно, не следует думать, что отца Афиногена посещали только недугующие и одержимые злыми духами люди. Многие его чада стремились попасть в Печоры, чтобы получить совет умудренного Божией благодатью старца. Он нередко разрешал их многочисленные и многотрудные сомнения, помогал советом в житейских делах и вопросах, оказывал поддержку в выпавших на их долю бедах и несчастьях. Для своих духовных детей старец Афиноген всегда находил доброе слово вразумления и укрепления — в одолевавших их искушениях и нападениях врага человеческого рода.

Последние три десятилетия жизни старец провел в особенно большом физическом и духовном напряжении.

С трех часов пополудни до семи часов вечера он принимал у себя паломников, затем шел на богослужение, по возможности каждый день посещая полуношницу. Даже в возрасте, близком уже к ста годам, он легко поднимался по довольно крутой лестнице Михайловского собора. При этом келейница старца — монахиня Надежда (ухаживала за ним в последние годы его жизни и оставила нам дневниковые записки об отце Афиногене, помещенные ниже) порой с трудом поспевала за ним. А он рукой манил ее сверху, с последней ступеньки, и все приговаривал: «Пошли, пошли...» Ежедневно он гулял на «Святой горке» — в монастырском саду, предаваясь здесь углубленной внутренней молитве.

Нередко старец подолгу сидел у себя в келье над книгой, пребывая при этом в совершенном богомыслии. В такие минуты он как бы полностью уходил в себя. Порой, как вспоминает матушка Надежда, он мог просидеть над книгой целый день, даже не переворачивая страниц и только беспрестанно плача: слезный дар его был удивительно велик — он плакал от умиления перед живо ощущаемой им Любовью Божией к «лежащему во зле» миру, плакал он и от скорби за смиренно сознаваемые им собственные грехи — как и за грехи всего падшего человечества.

Иногда в подобных случаях монахиня Надежда, пытаясь отвлечь старца от скорбных дум, предлагала напоить его чаем, но он только говорил ей: «Не беспокой меня тем, чего ныне нет в моих мыслях».

Отец Афиноген всегда оставался во всем крайне воздержан, ел мало. Вообще потребности его ограничивались только необходимым для поддержания жизни.

Архимандрит Иероним (Тихомиров)

Он был очень невысок, худ. «Я — полчеловека» — любил повторять о себе старец.

Его глубоко уважали и часто с ним беседовали многие известные насельники обители, но более всего пребывал он в дружеском общении с отцом Иеронимом (Тихомировым) [4] — столь же, как и он сам, кротким и смиренным монахом.

Отец Афиноген и отец Иероним почасту сживали вместе возле алтаря перед началом богослужения и вели тихую беседу на различные духовные темы: они понимали друг друга с полуслова, и им хорошо было предаваться вдвоем иноческому богомыслию.

Архимандрит Афиноген
Ск. 1978 г.

I

**ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
АРХИМАНДРИТА
АФИНОГЕНА,
В СХИМЕ АГАПИЯ**

НА ПУТИ К «ХОЗЯИНУ ВЕЧНОМУ»

«Уйти в монастырь...»

Старец Псково-Печерской обители схииеромандрит Агапий («в миру» — Василий Кузьмич Агапов) родился 24 января¹ 1881 г. в деревне Карманово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Родители его — Кузьма Агапович и Ирина Дмитриевна — были крестьянами. Младенца называли Василием — в память святителя Василия Великого.

Еще в раннем детстве Василий почувствовал желание посвятить всю свою жизнь Богу и уйти в монастырь². О том времени старец пишет в автобиографических записках³ так:

«С какого возраста у меня сложилась мысль и желание уйти в монастырь? Родители мои, отец и мать, были

¹ Иную дату рождения старца Афиногена — 12 января (т.е. по старому стилю) — указывают исследователи этого периода церковной жизни России М. В. Шкаровский и священник Илья Соловьев в книге «Церковь против большевизма». М., 2013. С. 365 (здесь и далее — примечания автора).

² У него была и сестра Екатерина, тоже принявшая монашество.

³ Документ хранится в архиве Псково-Печерского монастыря.

неграмотные; у нас в доме не было никаких книг — ни молитв, ни для чтения. Родители были заняты крестьянским делом. Отец любил молиться, поклоны клал; а мать, как встанет с кровати, — ну, перед иконами покивает немного головой и побежит. Нас учить молиться было некогда, но у меня как-то созрело желание молиться с пятилетнего возраста. Хотя я ничего не понимал, но очень любил слушать взрослых, когда они читают или говорят о чем-нибудь божественном, а особенно — о монастыре, и [через это]⁴ нашел, каким путем себя вывести из тьмы греховной».

Но мысли об этом пути — пути иноческого жития — довольно скоро оставили Василия. «После того моего порыва уйти в монастырь, — пишет старец, — прошло четыре года, и мои желания заглохли, и я забыл о монастыре».

На восьмом году от роду мальчика отдали учиться в земскую трехклассную школу, а позже — уже тринадцатилетним отроком — он был определен родителями на дальнейшее обучение и работу в швейную мастерскую в Санкт-Петербурге. Мастерская эта принадлежала его дяде — тот одновременно являлся и крестным отцом Василия.

Так началась с 1894 г. его жизнь в российской столице.

К годам обучения Василия швейному делу относится краткий, но многозначительный рассказ, записанный самим старцем много десятилетий спустя — в пору, близкую уже ко времени его кончины.

⁴ В квадратных скобках даются пояснительные слова публикатора документов. Пунктуация в документальных текстах (дневники, воспоминания, цитаты) сохранена оригинальная.

Это свидетельство отца Афиногена о чудесном событии, происшедшем с ним тогда в Санкт-Петербурге, в храме преподобного Андрея Критского⁵, во время богослужения.

Как вспоминал старец, «я с другими мальчишками пришел ко всенощной; пришли [мы] к амвону и стали ставить и снимать свечи с подсвечников. А я стою отдельно и смотрю на икону преподобного мученика Андрея Критского. И вдруг я очутился на амвоне — стою на коленях, а старичок меня благословляет — и, наклонив свою головку ко мне, поцеловал меня и скрылся. А я стою на коленях и думаю: “Кто же этот старичок?” А потом, увидев его на иконе, говорю [себе]: “А вот этот самый на иконе и есть”. И я [вновь] очутился за [амвонной] решеткой, где я и стоял [прежде]. И я боялся сказать кому-либо [о случившемся], а потом и забыл; и вот только теперь вспомнил».

В 1902 г. Василия направили в армию для отбывания воинской повинности. Однако, по семейным обстоятельствам, в армии он пробыл недолго и лишь на следующий — 1903 г. — отслужил еще один месяц в ратном ополчении.

В 1903 г. с будущим иноком произошел, казалось бы, совсем незначительный случай, но который, по видимому, каким-то образом повлиял затем на его дальнейшую жизнь. Событие это связано с именем святого праведного Иоанна Кронштадтского [2], увиденного Василием на Балтийском железнодорожном вокзале.

⁵ Церковь во имя святого преподобномученика Андрея Критского на Рижском проспекте в Петербурге построена в 1891–1892 гг. в качестве домового храма при фабрике государственных бумаг. В 1923 г. храм был закрыт советской властью; возвращен верующим в 1998 г.

Между отцом Иоанном и Василием не произошло никакой беседы: юноше не удалось даже и приблизиться к батюшке — не то чтобы поговорить с ним. И все же, несмотря на это, впоследствии старец, как бы заново оценивая события прожитой им долгой жизни, склонен был считать, что та мимолетная встреча со знаменитым «всероссийским батюшкой», как называл его православный русский народ, духовным образом особо сказалась на всей его дальнейшей судьбе и на решении уйти в монастырь.

О случившемся с ним тогда старец пишет так:

«Это было в 1903 году в воскресенье перед масляной седмицей.

Я и мой товарищ Иван вечером пошли гулять; пришли на Балтийский вокзал и прошли на платформу, где пассажиры садятся в вагон. Идем, и вдруг нам навстречу толпа людей — и мужчины, и женщины. И я слышу, говорят: “Батюшка отец Иоанн идет”.

Ну что же — мы встретились с ними [с батюшкой и сопровождавшими его лицами]. Нужно было бы подойти к нему, взять благословение, а у меня [и] не было этого понятия [о благословении]. Они прошли; я постоял, на них посмотрел и побежал за ними.

Они, — значит, первый — батюшка о. Иоанн, и все его провожатые, — вошли в вагон. И я хотел войти, но они и двери закрыли.

Я остался и думаю: вот так и в Царство Небесное тебе закроют дверь. И пошел обратно... Ну, эта встреча, наверное, и не просто была, но [тогда] на меня она ничего не произвела...»

Однако если внешне эта встреча Василия с отцом Иоанном и не оказала какого-либо особого

мгновенного влияния на судьбу будущего юного подвижника, то внутренне она действительно, как чувствовал он впоследствии, «не просто была»: постепенно все явственнее начало совершаться полное духовное преображение его личности.

И действительно, разве не стала затем вся жизнь отца Афиногена — в его стремлении к Богу и к Его Любви — живым воплощением известной молитвы святого праведного Иоанна Кронштадтского:

«Господи!

Имя Тебе Любовь: не отвергни меня, заблуждающегося.

Имя Тебе Сила: укрепи меня, изнемогающего и падающего.

Имя Тебе Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями.

Имя Тебе Мир: умири мятущуюся душу мою.

Имя Тебе Милость: не переставай миловать меня. Аминь»⁶.

Вскоре — после случившегося на перроне Балтийского вокзала — в душе Василия вдруг вновь пробудилось (до того, казалось бы, совсем утраченное) желание оставить мир и посвятить всю свою жизнь служению Богу и Творцу: принять иноческий постриг в одном из русских монастырей.

В продолжение Великого поста 1903 г. это желание успело не только возродиться, но и, окрепнув, превратиться уже в твердое намерение Василия идти по Руси и искать себе место в какой-либо из святых обителей.

⁶ Цит. по: *Полонский А. В.* Православная Церковь в истории России (Синодальный период). М., 1995. С. 69.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

I. Жизнеописание архимандрита Афиногена, в схиме Агапия

НА ПУТИ К «ХОЗЯИНУ ВЕЧНОМУ». 16

«Уйти в монастырь...» 16

Двадцать лет в Макарьевской пустыни 26

Впервые под чекистским «судом». 35

Трагедия «иосифлянства» и «святая ночь»
Макарьевской пустыни.

Исповедничество отца Афиногена 40

И вновь у престола Божия. 61

«Проданный» отец Афиноген.

Встреча с Псково-Печерскими монахами . . . 65

Отец Афиноген — старец

Псково-Печерской обители 70

Из воспоминаний Н. А. Крыловой о старце Афиногене	80
На пороге вечности.	91
«Помни о конце твоём...» — «только дух...»	96

II. Жизнь, ставшая житием

Монахиня Надежда	106
Из «дневника» монахини Надежды.	115

III. «Он был очень добр...»

Из воспоминаний архимандрита Тихона (Секретарёва) о старце Афиногене.	216
«Уважаемая мои деточки... с любовью к вам...» Письма старца Афиногена семье Викторовых.	222

Вместо заключения

«Я всех вас люблю...»	262
---------------------------------	-----

Приложение

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Биографические и библиографические справки.	269
--	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Из истории Воскресенского монастыря (Свято-Успенской Макарьевской пустыни).	311
---	-----

В.С. Орлов. Макариевская пустынь	314
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	
Игумен Арсений, настоятель Воскресенского монастыря	343
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	
Схиепископ Макарий — духовный наставник старца Афиногена	348
Протоиерей Г. Шорец. Испытания схиепископа Макария	360
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	
Макарьевские монахи в Псково-Печерской обители	367
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	
Макарьевская пустынь в 1923 году. Из воспоминаний монахини Вероники (Котляревской)	372
ПРИЛОЖЕНИЕ 7	
О «Декларации» (1927 г.) митрополита Сергия (Страгородского) . . .	380
ПРИЛОЖЕНИЕ 8	
Макарьевская пустынь — возрождение святой обители	388
Библиография по истории Макарьевской пустыни	395